

УДК 81
ББК: 81.2Рос

Л.И. Бронская, И.Н. Иванова

**МАСОНСКИЙ
ГНОСТИЧЕСКИЙ МИФ
В РОМАНЕ
М.А.БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Предлагается одно из возможных прочтений текста романа – попытка выявить в нём духовные традиции, полемичные либо параллельные православному христианству, в первую очередь традиции и мотивы гностические. Так, остается открытым вопрос о гностических источниках романа, о его времяпространственной организации, концепции личности, традициях гуманизма (в соотношении с новым «социалистическим гуманизмом» власти), о софийных мотивах образа Маргариты, мифологеме Мастера и его гибели. Статья предлагает анализ мотивной структуры великого романа в аспекте воплощения в нем гностического мифа.

Ключевые слова: *гностицизм в литературе, русская литература XX века, мифопоэтика, Булгаков, традиция, мотив.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-186-194

Бронская Людмила Игоревна – докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета
Тел.: 8-918-773-28-89
Email: libron@yandex.ru

Иванова Ирина Николаевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета
Тел.: 8-921-962-39-23
Email: ivanovairinna@mail.ru

© **Бронская Л.И.,
Иванова И.Н., 2019.**

«Закатный роман» М.А. Булгакова, ставший своего рода итогом религиозно-философских исканий Серебряного века, воплотил и его «темный гнозис», без которого непредставимо интеллектуальное обаяние и соблазн этой сложной эпохи. Определяющую роль в создании оригинальной булгаковской художественной философии сыграл гностицизм, зародившийся в начале нашей эры в атмосфере борьбы идей, столь характерной и для Серебряного века, и для времени М.А. Булгакова. Наиболее ярко представленное в творчестве В. С. Соловьева и младших символистов, гностическое учение также нашло отклик и в эстетических поисках нового советского времени, в частности у М.А. Булгакова. Сын священнослужителя серьезно интересовавшегося, кстати, именно гностицизмом и масонством [Булгаков А., 1903], находящийся в сложных отношениях с ортодоксальным православием, М.А. Булгаков, тем не менее, пытался создать своего рода альтернативную версию евангельских событий, что не могло не привести его, прямого наследника Серебряного века, к «ереси» гностицизма. Заметим, дважды ереси – для православия и советской мировоззренческой доктрины, претендующей на статус новой религии.

Анализу гностических мотивов в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова посвящен ряд работ ученых, как правило, устанавливающих преемственность творчества писателя с определенными гностическими учениями. Так, еще в 70-х гг. прошлого века исследователи обнаружили богомильскую

ересь в философской структуре романа [Бэлза, 1978], и даже открыто называли его «*гностицистическим романом*» [Круговой, 1979, с. 47]. И.Л. Галинская в широко известной работе говорит об альбигойском прототексте Булгакова, непосредственно связанном с гностицистической парадигмой. Комплексный анализ мотивов гностицизма в произведении предпринимает Ж.Р. Колесникова [Колесникова, 2001], о манихействе в романе «Мастер и Маргарита» пишет А. Панков [Панков, 2005]. Интересны для нашей темы исследовательские подходы С. Слободнюка [Слободнюк, 1998] и др.

Классическая гностицистическая традиция, по мнению исследователей романа, была воспринята Булгаковым через масонство. Расшифровке масонской символики в романе посвящены труды Б.В. Соколова [Соколов, 1987, 2010]. Масонство, точнее, ритуалы ордена иллюминатов, называет прототекстом булгаковского романа М. Золотоносов [Золотоносов, 1991]. В целом можно утверждать, что в процессе изучения мотивов древних дуалистических учений, объединенных понятием «гностицизм», в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» исследователи обнаружили отражение элементов конкретных мистических учений: масонства, манихейства, воззрений иллюминатов и альбигойцев. В меньшей мере представляется исследованной «чисто гностицистическая» составляющая романа, просвечивающая сквозь то, что можно назвать масонским гнозисом. Именно это и стало предметом нашего исследования

Конечно, в случае М.А. Булгакова сложно говорить о непосредственной рецепции гностицистической картины мира с ее бинарными оппозициями. Так, А. Баррат обоснованно констатировал: «*Gnosticism also involves a completely dualistic philosophy in its opposition of God and the world, of spirit and matter, of soul and body, etc. ... It treats "Gnosis", the knowledge...*» [Barratt, p. 322]. Скорее можно выявить трансляцию элементов классической традиции на уровне времяпространственной организации текста и базовых мотивов и образов, восходящих к гностицистической традиции, – Софии, Плеромы-Кеномы, пневматика, Демиурга, мифологемы избранничества, творчества как спасения, тайного знания как особой сотериологии. В своем понимании проблемы авторы основываются как на работах современных литературоведов и критиков о булгаковском художественно-философском мире, так и на классических и современных исследованиях гностицизма как сложнейшего философского, религиозного, эстетического феномена европейского культурного пространства [Афонасин, 2008; Смоули, 2008; Чергон, 2008; Хеллер, 2011].

«*Творчество Булгакова в заданном контексте принадлежит к числу оппозиционных советской системе. Писатель разработал свою оригинальную синтетическую творческую концепцию гуманистического направления, в основе которой лежат антропологические проблемы*» [Кузнецова, 2004, с. 4]. Современный булгаковед Ю. Кузнецова называет М.А. Булгакова демифологизатором в отношении мифов соцреализма. Мы предполагаем, что авторская картина мира, созданная с привлечением универсальных мифов, в том числе гностицистических, утверждает аб-

солютно иную, отличную от общепринятой аксиологическую систему, центральное место в которой занимает творческая просвещенная личность, открывающая правду о мире.

Булгаковеды подтверждают, что идеи масонства занимали немаловажное место среди интересов М.А. Булгакова. В числе прочитанных писателем книг по этой теме – статьи Т.О. Соколовской о структуре масонских обрядов в книге «Масонство в его прошлом и настоящем» [Соколовская, 1991], «История сношений человека с дьяволом» М.А. Орлова (1904) и, разумеется, работа отца писателя о масонстве и его духовных корнях (1903). Очень интересовался писатель и раскрытой в конце 1927 г. в Ленинграде большой масонской организацией. Интерес писателя к теме масонства и гностицизма не в последнюю очередь был связан с масонским мифом о совершенном мастере, долженствующем явиться взамен коварно убитого учениками.

М. Золотоносов отмечает явное сходство системы персонажей М. А. Булгакова с иерархией масонского тайного общества просветленных: первую, «символическую» тройку, представляют Иван Бездомный (статус ученика), Маргарита (статус подмастерья) и, разумеется, собственно мастер – Мастер [Золотоносов, 1991, с. 104]. Понимаемое как учение Антихриста, масонство служит автору основанием называть одним из прообразов Воланда известного доктора Папюса. И герой М.А. Булгакова, и мистик Папюс устраивают бал, под которым скрыты шабаш и святотатство. М. Золотоносов приводит в качестве примера роман с похожей тематикой – «Сатанисты XX века» Е. А. Шабельской, где также упоминается Папюс, цель которого – «сеять в России разврат и неверие всеми средствами» [Золотоносов, 1991, с. 101].

Разнообразие материалов, в той или иной мере используемых во время работы над романом, подтверждает значимость гностико-масонской темы в творчестве М.А. Булгакова, являющейся компонентом художественной модели мира произведения. Наиболее интересен в аспекте нашей темы образ времени и пространства в романе. Если говорить о концепции пространства в масонской модели бытия, прежде всего следует назвать образ строящегося здания – метафору духовно развивающейся личности. В масонских обрядах инициации фигурируют неотесанный и шлифованный камни, символизирующие два состояния посвящаемого – до и после преобразования. Над миром главенствует Великий Архитектор Вселенной (сопоставимый с гностическим Демиургом). Известно, что в строительстве Храма Соломона принимали участие каменщики, имевшие одну из трех степеней. Высшую имел мастер, знающий тайное слово, недоступное прочим. Непосвященные, желая вырвать у мастера Адонирама заветную тайну, убивают его. Деление каменщиков на группы соответствует гностической иерархии телесных людей, душевных и пневматиков (людей духа). Только пневматики были избранными, духовной элитой, так как обладали подлинным тайным знанием – гнозисом.

Проецируя эту идею убивающих Мастера непосвященных на роман «Мастер и Маргарита», можно сказать, что враги творящего начала

в человеке в определенной степени воплощены в двух городах – местах действия: Ершалаиме и Москве 30-х гг. XX в. Оба города подчинены тирании, подавляющей проявления инакомыслия. Земная власть противостоит идеям, открывающим путь в лучшие миры и воплощенным в проповедях Христа и романе мастера.

В советской Москве действует система доносов (чем пользуется, например, Коровьев, чтобы наказать Никанора Босого, который «спекулирует валютой»). Одна из причин морального падения – стремление к материальным благам («квартирный вопрос только испортил их», т.е. иликов, людей тела, плоти) [Булгаков М., 1988, с. 333]. Власть Ершалаима также склонна к интригам: по наущению Пилата тайно убивают Иуду. Очевидно, что для М.А. Булгакова Ершалаим и советская Москва служат иллюстрацией к одной модели – модели тиранического порядка. Два города представляют два модуса бытия: сакральные, легендарные события разворачиваются в Ершалаиме, описанном в романе, в то время как на профанном уровне происходит дублирование легендарного сюжета в Москве. В обоих мирах Истина скрыта: Иешуа становится преступником, мастер лечится в «доме скорби». Одна из масонских максим гласит: «Человек есть бессмертный образ Бога, но кто способен опознать его, коль скоро он искажен?», что напрямую связывает идеи масонов с гностическими представлениями о земном мире как искаженной копии мира небесного. Роль гностической «границы» между мирами выполняет мистический аспект реальности, проявляющийся с момента прибытия Воланда в Москву.

Предельно насыщенной гностико-масонским комплексом идей представляется сцена Великого бала у Сатаны. Кабинет Воланда, комната с бассейном, сады, оркестр, бальный зал – все это помещается в пространстве квартиры № 50. «Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов», – объясняет Коровьев [Булгаков М., 1988, с. 439]. Относительность пространств и масштабов подчеркивает символ глобуса на столе Воланда.

Поскольку в «нехорошей квартире» Маргарита проходит обряд инициации, очевидно сходство квартиры с образом масонского храма, который является своего рода третьей реальностью эзотерического ритуала. Третья реальность в мире романа – мистическая сторона мира, выполняющая функцию гностической границы между трансцендентным и обыденным. В ином мире не действует земное время, наступает миг перед откровением: Маргарита «услышала, как где-то бьет полночь, которая давным-давно, по ее счету, истекла» [Булгаков М., с. 458].

Иницируемая Маргарита должна вновь обрести утраченный гнозис, что в ее случае выражается сохранением части уничтоженного романа о величайшем хранителе тайного знания (с точки зрения гностиков), т.е. Иешуа и перспективой нового соединения с Мастером. Проходящий испытание погружается во тьму (повязка на глазах в масонском ритуале). Маргариту же в «нехорошей квартире» охватывает тьма. Поскольку

одежда – символ плена у плоти, символ брэнной материи, испытываемый должен также полностью раздеться, что и делает героиня. Необходимо отречься от всех земных привязанностей и богатств (Маргарита порывает с мужем, отдает Наташе драгоценности и вещи). Завершается трансформация полетом – подъемом в небо, приобщением к стихии воздуха.

Посвящение Маргариты потребовало ритуала временной смерти (погружение во тьму, общение с мертвецами) и последующего возрождения. В камере размышлений, куда масоны помещают кандидата, присутствует лента с аббревиатурой «V.I.T.R.I.O.L.» – «*Visita Interiora Terra Rectificando Invenies Occultum Lapidem*», что означает призыв погрузиться в недра собственной души, очистить ее, чтобы обрести мудрость. Идея погружения перекликается с гностической «интroversией» – постижением собственного духа. В гностицизме Плерома посылает Христа на землю для спасения Софии, при этом мир людей как творение Демииурга действительно воспринимается как ад. У масонов кандидата испытывают страхом смерти, бросая его в подземелье.

Какую же функцию выполняет в романе Воланд? Для гностиков Дьявол – не воплощение вселенского Зла, а символ и обладатель сакрального, подлинного знания. Явление Воланда в советской столице вызвано необходимостью напомнить «новым москвичам» о высшей власти и силах, о которых они забыли в страхе перед непосредственной силой зла, явленной в советском чиновничестве вплоть до Самого. Воланд действует в точном соответствии с принципами масонско-гностической этики. Он воссоединяет избранных главных героев через систему обрядов и, таким образом, является исполнителем ритуалов посвящения.

Масонство должно было «обеспечить духу господство над формой, свободе – господство над авторитетом» [Булгаков А., 1903, с. 428 – 429]. Смысл фигуры Христа в гностицизме (валентинианского толка, наиболее востребованного русской культурой) – восстановление великого нарушенного падшей Софией порядка в Плерома. Проявив неуместное любопытство (но, однако, вполне в гностическом духе – тяга к тайному знанию побеждает запрет и чувство опасности), эон София увязла в материальном мире и должна быть оттуда извлечена эоном Христом, вынужденным для этого спуститься к ней. Этот великий метасюжет европейской культуры в искаженном виде воплощается и у Булгакова. Но Мастер не тянет на роль рыцаря-героя-освободителя, потому так много в романе намеков на то, что подлинной метафизической парой для Софии-Маргариты является не Мастер, а Воланд (именно он ее и «спасает» из плена, во всяком случае, освобождает).

Мастер – избранный и, кажется, владеющий подлинным гнозисом, данным ему как видение событий в Ершалаиме и художественный дар. Он потенциально пневматик, чувствующий тоску по утерянной родине, полноте Плеромы. Он одинок, не укоренен в действительности, не имеет привязанностей (до Маргариты) и обязанностей. Он словно вот-вот оторвется от материи, но она держит его более цепко, чем Маргариту. У него нет даже имени, он слаб, он сдался и исчез бы, если б не София-

Маргарита, парадоксально берущая на себя функции своего и Мастера «спасения».

Мастер, собственно, псевдо-пневматик, ему недостает духовных сил для подлинного гностического посвящения. Тем более это не удастся ученику – Ивану Бездомному, получившему вместе с Мастером исключительный духовный опыт (личное общение с носителем гнозиса), но не сумевшему им грамотно воспользоваться. Мастеру необходима помощь, чтобы выйти на иной уровень бытия, в систему трансцендентных миров. И ему помогает София-Маргарита, воплощающая основные гностические свойства (включая, кстати, и «падшесть» как одну из основных составляющих гностического мифа). Она женственна, прекрасна, смела, даже дерзновенна, хранит тайное знание, не имеет детей (София метафизически девственна). Она – идеальная подруга «каменщика». Вспомним, что новообращаемому масону нужно было избрать себе «правильную» подругу и «сочетаться чистым и священным браком с премудростью, с небесной девой Софией» [Соколовская, 1991, с. 94].

К гностическому дискурсу отсылает и имя булгаковской героини. Маргарита в буквальном переводе – «жемчужина», символ тайного, скрытого знания, красоты и истины. Известен гностический «Гимн жемчужине», герой которого ищет и обретает, пройдя через утрату, премудрость-жемчужину.

В контексте гностицизма вполне естественно и понятно, почему же герои не заслужили света, а лишь покой. Можно предположить, что из-за незавершенности романа Мастера – ведь в нем ничего не говорится о воскрешении Христа. Мастер не справился со своей миссией, не завершил духовного подвига: *«У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет... ничто меня вокруг не интересует... меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал»* [Булгаков М., 1988, с. 476]. Мастер остался на уровне человеческой этики, потому и его Иешуа – «слишком человек», а сам он остался слишком тяжелым для полета, впад в грех уныния. Маргарита же, обладая куда большим гностическим потенциалом, не могла пойти дальше, т.е. «выше», поскольку Мастер (человеческая любовь) со всеми его слабостями нужен был ей больше, чем тайное знание и другие миры Плеромы.

Согласно гностической концепции мироздания земная реальность, включая человеческую, есть мир несовершенства. В нем властвует «анти-гнозис» – естественная основа советского бескрылого материализма, общества, где трудно, почти невозможно открыто заявить об Истине и тем более за нее бороться. Мастер не обладал необходимой для этого силой духа, потому и оказался вместе со своей подругой в метафизическом тупике – странной реальности, лишенной света гнозиса, зато обещавшей измученной душе вечный покой в «дурной бесконечности».

Таким образом, в гностико-масонской мифологии романа Мастер – герой и одновременно носитель масонской степени, владевший гнозисом, но не отважившийся донести до людей Истину (Свет) в полной мере, уступив силам материального мира; Маргарита выступает в роли

тайной жены, гностической Софии, одновременно возвышенной и падшей, нуждающейся в спасении, посредницы между мирами. В качестве же идеала человека в романе выведен образ Иешуа, учение которого базируется на этических принципах, особенно чтимых гностиками и масонами. В романе М.А. Булгакова гностическая модель мира развенчивает атеистические представления о действительности, утверждая нравственный и гуманистический идеал, воплощаемый в образе духовного человека (пневматика), которому предназначено открыть Истину (гнозис).

Литература

Афонасин Е. В. Гнозис. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.

Булгаков А. И. Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству // Тр. Киевской духовной академии. 1903. №12. С. 423 – 448.

Булгаков М. А. Белая гвардия: Роман; Мастер и Маргарита: Роман; Собачье сердце: Повесть; Рассказы. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1988. 736 с.

Бэлза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты». М.: Контекст, 1978. С. 156 – 248.

Золотоносов М. «Сатана в нестерпимом блеске...» О некоторых новых контекстах изучения «Мастера и Маргариты» // Литературное обозрение. М.: Советский писатель, 1991. № 5. С. 100 – 107.

Иванова И.Н., Кубышкина В.О., Серебряков А.А. Репрезентация мотивов гностицизма в современной отечественной прозе // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 45.

Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.

Круговой Г. Гностический роман М. Булгакова // Новый журн. 1979. № 134 (март). С. 47 – 81.

Кузнецова Ю. В. М. А. Булгаков в пространстве мифологизированной советской культуры (Опыт культурологического анализа): дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2004.

Панков А. Манихейство и смех в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // ДОКСА: Сб. науч. тр. по философии и филологии. Одесса, 2005. Вып. 7. С. 162 – 169.

Смоули Р. Гностики, катары, масоны, или Запретная вера / пер. с англ. Н.М. Заболоцкого. М.: АСТ МОСКВА, 2008. 318 с.

Соколов Б. В. К вопросу об источниках романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Философские науки. 1987. № 12. С. 52 – 64.

Соколов Б. В. Расшифрованный Булгаков: тайны «Мастера и Маргариты». М.: Эксмо: Яуза, 2010.

Соколовская Т. О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем: в 2 т.: Т. 2. Репринт. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 52 – 80.

Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890 – 1930 гг.). СПб.: «Алетейя», 1998. 432 с.

Чертон Т. Гностическая философия от древнейшей Персии до наших дней. М.: РИПОЛ классик, 2008. 464 с.

Хёллер С. Гностицизм. М.: «Касталия», 2011. 180 с.

Яковенко И.Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2010. 320 с.

Barratt Andrew. Between two worlds: a critical introduction to the Master and Margarita. Clarendon Press, 1987. 347 p.

Di Blasi Luca. Der Geist in der Revolte der Gnostizismus und seine Wiederkehr in der Postmoderne. Muenchen: Fink, 2002.

References

Afonasin E.V. *Gnosis. Fragmenty i svidetel'stva*, Sankt-Peterburg, 2008. (In Russian).

Bulgakov A.I. Sovremennoye frankmasonstvo v yego otnoshenii k tserkvi i gosudarstvu. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*, 1903, no. 12, pp. 423 – 448. (In Russian).

Bulgakov M.A. *Belaya gvardiya: Roman; Master i Margarita: Roman; Sobach'ye serdtse: Povest'; Rasskazy*, Groznyy, 1988, 736 p. (In Russian).

Behlza I.F. *Genealogiya «Mastera i Margarity»*. Moskow, Kontekst, 1978, pp. 156-248. (In Russian).

Zolotonosov M. «Satana v nesterpimom bleske...» O nekotorykh novykh kontekstakh izucheniya «Mastera i Margarity». *Literaturnoye obozreniye*, Moskow, 1991, no 5, pp. 100-107. (In Russian).

Ivanova I.N., Kubyshkina V.O., Serebryakov A.A. Reprezentatsiya motivov gnostitsizma v sovremennoy otechestvennoy proze. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Filologiya*, 2017, no. 45. (In Russian).

Kolesnikova Zh. R. *Roman M. A. Bulgakova «Master i Margarita» i russkaya religioznaya filosofiya nachala XX veka*: dis. ... kand. filol. nauk, Tomsk, 2001. (In Russian).

Krugovoy G. Gnosticheskiy roman M. Bulgakova. *Novyy zhurnal*, 1979, no. 134, pp. 47- 81. (In Russian).

Kuznetsova Yu. V. *M. A. Bulgakov v prostranstve mifologizirovannoy sovetskoj kul'tury (Opyt kul'turologicheskogo analiza)*: dis. ... kand. filos. Nauk, Saransk, 2004. (In Russian).

Pankov A. Manikheystvo i smekh v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita». *DOKSA: Sb. Nauch. trudov po filosofii i filologii, Vyp. 7*, Odessa, 2005, pp. 162-169. (In Russian).

Smouli R. *Gnostiki, katary, masony, ili Zapretnaya vera*, per. s angl. N.M. Zabolotskogo. Moskow, 2008. (In Russian).

Sokolov B. V. K voprosu ob istochnikakh romana Mikhaila Bulgakova «Master i Margarita», *Filosofskie nauki*, 1987, no 12, pp. 52 – 64. (In Russian).

Sokolov B. V. *Rasshifrovannyj Bulgakov: tajny «Mastera i Margarity»*, Moskow, 2010. (In Russian).

Sokolovskaya T. O. *Masonskie sistemy / Masonstvo v ego proshlom i nastoyashhem*, V 2-kh tt., T. 2, Moskow, 1991, pp. 52 – 80. (In Russian).

Slobodnyuk S. L. «*Idushhiye putyami zla...*» (*drevnij gnostitsizm i russkaya literatura 1890 – 1930 gg.*), Sankt-Peterburg, 1998. (In Russian).

Cherton T. *Gnosticheskaya filosofiya ot drevnejshej Persii do nashikh dnei*, Moskow, 2008. (In Russian).

Kheller S. *Gnostitsizm*, Moskow, 2011. (In Russian).

Yakovenko I.G., Muzykant'skij A. I. *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoj tsivilizatsii*, Moskow, 2010. (In Russian).

Barratt Andrew. *Between two worlds: a critical introduction to the Master and Margarita*, Clarendon Press, 1987, 347 p. (In English).

Di Blasi Luca. *Der Geist in der Revolte der Gnostizismus und seine Wiederkehr in der Postmoderne*, Muenchen, 2002. (In German).

Ludmila I. Bronskaya, Irina N. Ivanova (Stavropol, Russian Federation)
Masonic Gnostic Myth in M.A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"

A classic text always gives rise to various interpretations and most assuredly such profound and monumental one as the novel by M.A. Bulgakov. Despite decided success of contemporary Bulgakov scholars, it cannot be claimed that investigation of the novel's philosophy and ontology is completed. To our opinion, one of the most interesting possible interpretations of the text is not its evaluation in terms of canonicity/non-canoncity of Yeshua and indisputable "heterodoxness" from the viewpoint of Orthodox Church, but an attempt to find other spiritual traditions in the novel, polemical or parallel to Orthodox Christianity, especially gnostic traditions and motives. Thus, gnostic sources of the novel, its space-time structure, concept of the individual, traditions of humanism (in reference to the new "socialistic humanism" of the power), motives of Sophia the image of Margarita, mythologeme of the Master and his death still remain unclear. The article suggests an analysis of the great novel's motive structure in regard to the gnostic myth typified in it.

Keywords: *gnosticism in literature, Russian literature of the 20 th century, mythopoetics, Bulgakov, tradition, motive.*

Ludmila I. Bronskaya, Doctor of Philology, professor, professor of department of Russian and world literature, Federal State Educational Establishment of Higher Education "Nord-Caucasus Federal University". Phone: 8 (918)747-01-94; e-mail: libron@yandex.ru

Irina N. Ivanova, Doctor of Philology, docent, professor of department of Russian and world literature, Federal State Educational Establishment of Higher Education "Nord-Caucasus Federal University". Phone: 8 (918)747-01-94; e-mail: ivanovairinna@mail.ru